

от приглашенного редактора

Об относительности «экзотических» свойств языка индейцев пираха и их принципов восприятия мира

Дэниел Эверетт — профессиональный лингвист с многолетним стажем университетского преподавания¹. Его книга «Не спи — кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей» (2008/2016)², несмотря на научно-популярную форму изложения, представляет собой мультидисциплинарное исследование амазонского племени пираха(н) (Pirahã) — его культуры, мышления, языка и быта в их тесном влиянии друг на друга. Изложенная в книге концепция обладает, на наш взгляд, по меньшей мере одним несомненным достоинством: она отражает системный взгляд на племя пираха, соединяющий различные стороны его жизни, не получавшие ранее столь целостного описания.

Для обсуждения этой оригинальной, хотя и далеко не бесспорной концепции в рамках данного спецвыпуска РЖКН мы пригласили ученых разных специальностей: лингвистов, биологов, математиков. В их статьях даются весьма различные оценки выводам Эверетта. Тем не менее мы надеемся, что возникший междисциплинарный диалог поможет читателю сориентироваться в лабиринте различных точек зрения и сформировать собственный взгляд на обсуждаемые проблемы.

В данном предисловии мы не пытаемся поддержать или оспорить те или иные положения концепции Эверетта — это делается в статье (Кошелев, 2018) в настоящем выпуске. Здесь мы хотели бы высказать некоторую общую точку зрения на понятие «экзотическое/уникальное свойство» языка, а именно: показать его относительность. Материалом для конкретных рассуждений нам будут служить концепция Д. Эверетта, язык пираха и статьи данного выпуска.

¹ С 2010 года он является деканом искусств и наук в университете Бентли, штат Массачусетс. До этого заведовал кафедрой языков, литературы и культур в университете штата Иллинойс. Он также преподавал в Манчестерском университете и заведовал кафедрой лингвистического факультета университета Питтсбурга.

² Everett D. Don't sleep, there are snakes: Life and language in the Amazonian jungle. New York: Pantheon Books, 2008; Эверетт Д. Не спи — кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей / Пер. с англ.: И. В. Мокина, П. С. Дронова, Е. Н. Панова. М.: ЯСК, 2016.

Одно из центральных положений концепции Эверетта заключается в утверждении, что культура социума и его специфическое восприятие мира весьма существенно влияют на его язык. Анализируя быт и культуру индейцев пираха, Эверетт приходит к выводу, что им свойственен принцип *непосредственности восприятия* (ПНВ). В соответствии с ПНВ одним из главных источников достоверного знания для индейцев являются непосредственные наблюдения (шире — личный опыт). Поэтому практически все их интересы и все внимание фокусируются на том, что происходит «здесь и сейчас», ср.: «Пираха просто концентрируются на том, что непосредственно их окружает... Им не нужна истина как некая извечная реальность. <...> Истина для них — это поймать рыбу, грести в лодке, смеяться вместе с детьми, любить своего брата, умереть от малярии» (Эверетт, 2016, с. 295).

Согласно Эверетту, ПНВ препятствует формированию у индейцев отвлеченных и абстрактных понятий, не имеющих непосредственно воспринимаемой составляющей. Поэтому в их языке отсутствуют многие единицы, присущие европейским языкам³, такие как цветообозначающие слова (*зеленый, красный*), относительные темпоральные показатели (*утро, вечер, завтра*), точные счетные слова (*два, три, четыре* и т. д.), страдательный залог, рекурсия и др. Рассмотрим эти примеры более подробно.

Анализируя цветообозначения в языке пираха, Эверетт отмечает: «Они не обозначают видимый цвет отдельными словами, которые жестко привязаны к определенным обобщенным представлениям о цвете. Они описывают цвет целыми фразами. <...> их перевод такой: „кровь грязная“ — черный... „оно как кровь“ — красный; „оно незрелое“ — зеленый» (Эверетт, 2016, с. 132).

Эти непосредственные, или аналоговые, описания, содержащие отсылки к общеизвестным предметам

³ Или, более точно, «языкам средневропейского стандарта» (*Standard Average European* или SAE). Это понятие, введенное в 1939 году Б. Уорфом, включает практически все европейские языки.

с характерным цветом, — продукты ПНВ, — Эверетт противопоставляет условным монолексическим обозначениям (*зеленый, красный*), характерным для европейских языков.

Сходная ситуация, по мнению Эверетта, имеет место и с лексическими показателями времени. Как он отмечает, в языке пираха нет коррелятов относительных темпоральных показателей: *вчера, сегодня, завтра, утро, вечер, неделя, месяц* и подоб. В то же время в этом языке имеются другие показатели времени, по своей наглядности вполне соответствующие аналоговым цветообозначениям пираха: *hisógiái* «полдень ('солнце большое/сильное')», *hibigbagá'áiso* «закат/восход», *'ahoakohoihio* «раннее утро ('перед восходом')» (Everett, 2005, p. 631)⁴. Все они суть абсолютные характеристики периодов времени, доступные прямому распознаванию по внешним признакам.

Следуя этой логике, можно невольно сделать вывод, что индейцам пираха присущ только принцип непосредственности восприятия, а носителям европейских языков, напротив, свойственен альтернативный принцип опосредованности восприятия. Легко показать, что этот вывод не соответствует действительности. В самом деле, в европейских языках имеются не только условные обозначения цвета: *красный, зеленый (red, green)*, но и аналоговые именованья, отсылающие к известным предметам с характерным цветом: *аметистовый (amethyst), бронзовый (bronze), морковный (carrot), каштановый (chestnut), янтарный (amber)*. Точно так же в этих языках присутствуют как слова, называющие относительные периоды времени, не имеющие прямых визуальных маркеров: *утро (morning), вечер (evening), завтра (tomorrow)*, так и абсолютные показатели: *восход, закат, полдень (sunrise, sunset, midday)*, называющие визуально идентифицируемые периоды времени. Таким образом, носителям европейских языков присущи оба принципа восприятия — непосредственности и опосредованности.

Это же верно и в отношении индейцев пираха. Ниже, в статье (Кошелев, 2018, настоящий выпуск), мы показываем, что принцип непосредственности восприятия отражает синкретизм (недифференцированность) ментальных представлений человека, а принцип опосредованности восприятия — системность этих представлений. Цветовой и временной спектры действительности отражаются в сознании индейцев пираха синкретичными ментальными репрезентациями, поэтому отсылки к фрагментам этих представлений невозможны без опоры на непосредственно идентифицируемый маркер («красный» — «оно как кровь», «полдень» — «солнце большое/сильное»). Но в мире индейцев пираха есть также сферы действительности, ментальным представлениям которых присуща весьма детализированная системность, в то время как у носителей европейских языков эти сферы представляются в сознании гораздо менее системными репрезентациями.

Например, в практической жизни индейцев огромную роль играют джунгли. Они знают множе-

ство видов деревьев и трав, их лечебные и другие свойства, а также приемы их обработки и использования. По-видимому, в этой сфере ментальные представления действительности у индейцев гораздо более дифференцированы и системны, чем у членов индустриальных обществ. Поэтому в языке пираха имеется обширный класс конкретной лексики, обозначающей эти растения, их свойства и действия с ними. А это, как мы показываем (там же) есть следствие системного принципа восприятия мира джунглей. Аналогичную роль играют для индейцев рыбная ловля, плавание в лодке и все, что связано с миром реки. Поэтому и здесь их восприятие более детализировано, чем восприятие рядового носителя европейского языка. Приведем два эпизода из книги Эверетта, иллюстрирующих способность индейцев пираха видеть в окружающем их мире важные детали явлений, совершенно ускользающие от взгляда самого Эверетта.

В первом эпизоде Эверетт рассказывает, как он со старшей дочерью Шеннон отправился с индейцами в лодке охотиться на анаконду.

«Кохои с Поиои бесшумно подгребли к правому берегу... Кохой повернулся к нам с Шеннон и спросил: — Видите ее нору — вон там, едва под водой? — Нет, — ответили мы. Я не видел решительно ничего. — Смотри! — сказал он, взял лук высотой с человеческий рост, какие делают пираха, и потыкал им в воду несколько секунд. — Сейчас взъярится. — И он хихикнул. — Видишь? — Нет, — ответил я. Мы с Шеннон ничего не видели в воде, взбаламученной дождями. — Смотри, ил! — воскликнул Кохой. — Вылезает! Тут я увидел небольшое завихрение ила под водой, но не успел я и рта раскрыть, а Кохой выпрямился во весь рост и натянул лук. Ффу! Ффу! — две его стрелы сорвались с тетивы и ушли под воду меньше чем за секунду. И тут же из-под воды выметнулась трехметровая анаконда, пронзенная в двух местах длинными стрелами, и забила в конвульсиях» (Эверетт, 2016, с. 126).

Во втором эпизоде Эверетт идет по лесу с подростком по имени Каиоа (Kaioá).

«Уже было темно, и мы шли из его хижины ко мне домой... по узкой тропинке в джунглях... Каиоа шел чуть позади... Внезапно он... тихо произнес: — Смотри, там впереди кайман! Я направил на тропинку луч фонаря, но ничего не увидел. — Выключи эту молниеподобную штуковину в руке, — предложил Каиоа, — и посмотри в темноту. Я послушался. Теперь не было видно вообще ничего. — О чем ты говоришь? — спросил я, подозревая, что он хочет меня разыграть. — Там ничего нет. — Нет же. Смотри! — Каиоа хихикнул. Моя неспособность видеть дальше своего носа была для пираха источником нескончаемого веселья. — Видишь вон там такие два глаза, похоже на кровь?

Я напряг глаза и, конечно, разглядел две красных точки метрах в тридцати от нас. Каиоа

⁴ Everett D. Cultural constraints on grammar and cognition in Pirahã: Another look at the design features of human language // *Current Anthropology*. 2005. Vol. 46. No. 4. P. 621–646.

сказал, что это глаза некрупного каймана» (Эверетт, 2016, с. 268).

Продолжим анализ. Отмечая отсутствие числительных в языке пираха, Эверетт пишет:

«Сначала я думал, что в языке пираха есть слова „один“, „два“ и „много“, что не редкость среди языков мира. Но потом я понял, что те слова, которые я и предыдущие исследователи принимали за числительные, означают только относительно большее или меньшее количество» (Эверетт, 2016, с. 129).

Тем самым, в отличие от европейских языков с их счетными словами, называющими точные количества, в языке пираха имеются лишь имена приближенных количеств: *hói* ‘небольшое количество’, *hoí* ‘большое количество’, *xogió* ‘всё или почти всё’ и др. Но и в европейских языках присутствуют слова и выражения, обозначающие неточные количества. Например, как отмечается в статье (Бурлак, 2018, настоящий выпуск), в русском языке слово *пара* обозначает ‘некоторое небольшое количество’. Так, на просьбу дать пару спичек мы можем получить три и даже пять спичек. Кроме того, есть специальное счетное слово *несколько*, обозначающее приблизительное количество от двух-трех до восьми-десяти.

Подобные рассуждения справедливы и в отношении страдательного залога, отсутствующего в языке пираха, см. об этом в статье (Кошелев, 2018, настоящий выпуск). С особой отчетливостью относительность противопоставлений свойств языка пираха и европейских языков проявляется при анализе наиболее известного утверждения Эверетта об отсутствии в пираха рекурсии, см. (Дронов 2016⁵; Никулин, 2018; Соловьев, 2018, настоящий выпуск). С одной стороны, в европейских языках есть сферы, в которых рекурсия практически не используется. Как отмечается в (Бурлак, 2018, настоящий выпуск), «если обратиться не к письменному языку, а к устной, разговорной речи, в особенности

к разговорно-бытовому регистру» (с. 23), то можно увидеть почти полную редукцию вложенных конструкций (придаточных предложений, посессивных конструкций и т. п.), см. также (Дронов, 2016). С другой стороны, как показано в целом ряде исследований, см., например (Кибрик, 2018; Никулин, 2018; Соловьев, 2018, настоящий выпуск), некоторые высказывания языка пираха вполне могут трактоваться как рекурсивные.

Аналогичная ситуация имеет место и с фатической коммуникацией, которая, по мнению Эверетта, отсутствует у индейцев пираха, ср.: «У них нет слов „спасибо“, „извини“ и так далее» (Эверетт, 2016, с. 31). Как отмечается в статье (Кибрик, 2018, настоящий выпуск), «вероятно, этот вывод основан на меньшей частотности подобных случаев в коммуникативной практике пираха, однако в книге есть немало примеров, показывающих, что само это явление на самом деле имеет место» (с. 30).

Подведем некоторые итоги. В лингвистической традиции долгое время сохранялась тенденция распространять многие положения, принятые в отношении европейских языков, и в первую очередь английского языка, на остальные языки (лингвистический европоцентризм). Если же какие-то языки не соответствовали этим положениям, их нередко называли экзотическими. Эта тенденция начала меняться на противоположную после появления статьи Э. Даля (Dahl, 1990)⁶ с симптоматичным названием «Языки средневропейского стандарта как экзотические». Важную роль в этом процессе сыграла статья (Evans, Levinson, 2009)⁷, см. также заключение статьи (Кибрик, 2018) в настоящем выпуске. Цель проведенных выше рассуждений — пояснить *относительность* понятия «экзотическое/уникальное свойство языка», независимую от принятой точки отсчета — той группы языков, которые признаются как носители наиболее общих типологических черт.

Алексей Кошелев,
приглашенный редактор спецвыпуска РЖКН,
главный редактор издательского дома «ЯСК»

⁵ Дронов П. С. Так ли уж несовместимы точки зрения Д. Эверетта и генеративистов? // Эверетт Д. Не спи — кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей. Пер. с англ.: И. В. Мокина, П. С. Дронова, Е. Н. Панова. М.: ЯСК, 2016. С. 309–324.

⁶ Dahl, Ö. Standard Average European as an exotic language // Bechert, Johannes, Giuliano Bernini, & Claude Buridant (eds.) 1990. Toward a typology of European languages. (Empirical Approaches to Language Typology, 8). Berlin: Mouton: De Gruyter. P. 3–8.

⁷ Evans N., Levinson S. The myth of language universals: Language diversity and its importance for cognitive science // Behavioral and Brain Sciences, 32(05). Vol. 32. P. 429–492.